

ИРИНА ЧОБАНУ-СУХОМЛИН,

музыковед, доктор искусствоведения,

профессор кафедры музыковедения и композиции АМТИИ

ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ И ТРУДОЛЮБИЕ, ПОМНОЖЕННЫЕ НА НЕУТОМИМУЮ ЭНЕРГИЮ, ПРИЗВАНИЕ И АРТИСТИЗМ

Наша с Е.С. многолетняя дружба выросла на профессиональной почве — почве музыковедения, музыкальной науки. У Е.С. всегда были дипломники, руководство курсовыми работами, она много времени уделяла преподаванию истории музыки как одна из ведущих музыковедов-историков. Но сотрудничать мы начали, когда в Академии музыки открылся докторат, и появилась потребность в постоянном чтении и рецензировании научных статей, докторских диссертаций, обсуждении их на заседаниях кафедры — абсолютно особой области университетской науки, к которой, как выяснилось на практике, нужно иметь особые качества: соответствовать современному уровню музыковедения, иметь современные взгляды, быть убедительным и уметь убеждать, работать оперативно, критиковать, не вызывая обид и т.д. Всеми этими качествами Е.С. обладает в полной степени.

Импонирует удивительное умение сформулировать свои жизненные приоритеты: Е.С. всегда знает, чего хочет, будь то музыковедение, обеденное меню или размер квартиры. И добьется этого вопреки всем обстоятельствам. Или наоборот, никакие обстоятельства не возникнут, если человек ясно видит свои действия, свой путь в решении какой-то жизненной цели, не усложняя, не аффектируя понапрасну ситуацию. Возможно, в этой определенности и естественности кроется секрет жизненного успеха Е.С.

Во всяком случае, запомнился один показательный, на мой взгляд, эпизод. По пути домой после лекций и заседания кафедры мы с Е.С. завернули в кафедральный собор, где православные верующие целый день стояли в очереди к выставленным здесь мироточащим иконам, привезенным в Кишинев на весьма короткое время. Часам к восьми вечера очередь рассосалась, и мы решили воспользоваться возможностью помолиться у святых икон. В голове после длинного и насыщенного рабочего дня у меня был полный сумбур, служители торопили немногочисленных молящихся. В общем, сосредоточиться мне так и не удалось. Наскоро поклонившись иконам, испросив обычных для моления вещей — здоровья для близких и успехов для сына, я отошла в сторону и стала рассматривать последних посетителей собора. На фоне кланяющихся иконам суетливых людей в платочках Е.С. выделялась своим спокойствием и уверенностью. Чинно обходя выставленные для поклонения образа, она не мельтешила, не толкалась среди прихожан, а, казалось, с полным знанием дела совершала ритуал как воцерковленный человек, хотя, насколько мне известно, Е.С. как продукт советского прошлого, и по семейной традиции, и по образу жизни принадлежит скорее к «сочувствующим» православию. Вскоре мы вышли из собора и притихшие, отправились по домам.

Каково же было мое удивление, когда через день Е.С. позвонила мне и радостным тоном сообщила, что «иконы подействовали!» Изумленная таким скорым откликом трансцендентных сфер, я поинтересовалась, что же она испросила? Оказалось, что у Е.С. разрешился квартирный вопрос: маклер, которая давно занималась приобретением нового жилья взамен старого, на которое уже были покупатели, позвонила и сообщила, что только что нашлась квартира, полностью соответствующая требованиям, хотя запросы Е.С. были из разряда несбыточных. (Кишиневцы меня поймут, т.к. речь шла буквально о двух кварталах сравнительно старой застройки на бывшем проспекте Молодежи). На мои «ахи» Е.С. ответила, что она же искренне попросила и точно обозначила свою просьбу — и две комнаты, и возле остановки, и окнами во двор, и не на первом этаже, и, главное, именно в этом квадрате, который находился на одной транспортной линии с консерваторией! Так доходчиво Е.С. растолковала слова преподобного Ефрема Сирина о молитве! Помню, я тогда для себя сделала ряд важных выводов: наверное, наши молитвы не доходят к Богу из-за нашего неумения сохранять себя в состоянии сосредоточенного душевного равновесия, из-за неспособности организовать порядок в мыслях и чувствах, а также просто и ясно, с полным доверием изложить свою просьбу — т.е. всего того, что, наверное, и называется умением разговаривать с высшими сферами.

Естественность, непринужденность, дружелюбие и благожелательность в общении Е.С. демонстрирует всегда — и на лекциях, и в профессиональном, и в дружеском общении. Ее жизненное пространство никак не назовешь замкнутым. Она очень терпима к детям и молодежи, и они платят ей тем же. В консерваторских кругах Е.С. славится своей характерной речью и непринужденной манерой изложения мысли. Ее образы — зримые, сочные, язык — живой и всегда понятен, доступен студентам. Она избегает абстрактных взглядов на жизнь, излишнего философствования, выспренности, «штиля» высокой научной прозы. Ее успех в общении, на мой взгляд, покоится на «трех китах» — открытости, мобильности, современности. Помимо этого, Е.С. отличает огромная работоспособность.

Стабильность, уверенность в себе и своих знаниях, как мне кажется, ей придает качественное образование и черты характера. Она умеет собственную целеустремленность и напористость смягчить обаянием. Е.С. всегда определена в своих привязанностях — любить — так крепко, ненавидеть — так от всей души.

Ее жизненную позицию можно было бы определить как сплав прагматизма (практицизма) и интеллектуального идеализма. Она прекрасно чувствует себя в артистической среде. Сама проявляет склонность к творчеству — прекрасно играет на фортепиано и поет, с удовольствием аккомпанирует

пению других, окружает себя и постоянно окружена творческой «семьей», в прямом и переносном смысле. Дочь и внучка — представители творческих профессий, которые она разделяет и понимает, с которыми она сохраняет и поддерживает живое общение и теплые связи. Е.С. — лучший читатель, критик, зритель, слушатель, ее заинтересованность в художественной атмосфере, кажется, не знает границ. Е.С. всегда «в курсе» — консерваторских событий, личностных проблем своего коллектива, кишиневской музыкальной среды, актуальных тенденций в мире искусства, и т.п., и т.д., она всегда готова разделить и поддержать новые начинания.

Она умеет дружить. Иногда кажется, что Е.С. избегает слишком глубокого «копания» (в том числе — и самокопания) в человеческих проблемах, сторонится раздражающих жизненных мелочей, что вначале может вызвать чувство неразделенности в общении. Но спустя некоторое время понимаешь, что подбадривание и спокойные дружеские советы, которые ты приняла за равнодушие или формальную учтивость, на самом деле ведут к восстановлению гармонии, удерживая от крайнего проявления эмоций.

Обладая чувством юмора, она любит посмеяться над хорошим анекдотом. Но при этом ненавидит скабрзности, нецензурную лексику, хамство, брутальность.

Е.С. отличает удивительное умение окружать себя всем тем, что создает комфортную атмосферу — и в материальном, и в интеллектуальном смысле. В то же время ее не причислишь к жуирам и бонвиванам в полном смысле этих слов: Е.С. настолько предана работе и посвящает ей огромную часть своей жизни, что, кажется, ее невозможно представить вне профессии, которая для нее, несомненно, — источник радости и удовольствия. Жизненное пространство вокруг себя Е.С. пытается выстроить, исходя из хорошо развитого чувства красоты, стиля и формы, опираясь на стремление установить прямые и понятные взаимоотношения, не игнорируя ханжески материальную основу существования, но органично формируя из нее фундамент для творческих интересов, обмена идеями, динамичной и интенсивной профессиональной работы. Наверное, для всех ее коллег само присутствие Е.С. в Академии музыки, театра и изобразительных искусств является хорошим знаком — знаком гармоничного окружения, артистизма, непротиворечивой интеллектуальной среды, творческой атмосферы, приносящей удовлетворение и радость.